

МОЙ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

Иосиф Лахман

2 марта исполнилось 150 лет со дня рождения Шолом-Алейхема.

Отмечая юбилей Шолом-Алейхема, я не собираюсь рассказывать о его биографии или анализировать его творчество. То и другое тщательно исследовано, освещено в сотнях книг и тысячах статей. Я хочу поведать о «моём» Шолом-Алейхеме, а именно – о том, как этот писатель ещё в раннем детстве вошел в мою жизнь, сопровождал меня все долгие годы и продолжает жить во мне по сегодняшний день.

Первое моё знакомство с Шолом-Алейхемом произошло, когда мне было лет 6-7. Однажды, на исходе субботы, я был заинтригован таким зрелищем: мой отец, прекрасный знаток иврита (он давал частные уроки этого языка), но одновременно страстно любивший литературу на идиш, читал какую-то книгу и громко, от души, смеялся. Довольно долго наблюдал я эту картину и, наконец, не выдержал: перебил чтение и спросил отца, отчего он так весело смеется.

– Мой мальчик, – ответил мне папа, – читаю я Шолом-Алейхема, его «Тевье-Молочника». А смеюсь я над тем, как Тевье толкует, переводит на идиш различные изречения из Священного писания. Ты ещё маленький и не поймешь, насколько образны и остроумны эти толкования.

Впоследствии, не раз читая и перечитывая «Тевье-Молочника», я каждый раз вспоминал своего отца и его весёлый смех при чтении этого великого произведения. В самом деле: можно ли удержаться от смеха, прочитав, как Тевье истолковывает следующее место из писания: «кишошана бейн ахохим» (дословно – «как роза среди терниев»); Тевье переводит его по-своему: «пятое колесо в телеге». Или изречение «Кто в огне, кто в воде». Тевье переводит его: «Кто ездит верхом, а кто пешком плетётся...».

Забегая несколько вперёд, замечу, что некоторые исследователи творчества Шолом-Алейхема считали, что «неправильные» переводы библейских текстов проистекают из недостаточной грамотности Тевье. Мой отец придерживался совершенно иного мнения. Он был уверен, что трудяга Тевье, не будучи, разумеется, слишком глубоким знатоком Библии (на доскональное изучение священного писания у него просто времени не было), тем не менее, прекрасно понимал смысл переводимых им выражений, но сознательно, с истинно народной мудростью, истолковывал их по-своему. Такого же мнения, конечно, независимо от моего отца, придерживался, например, Михоэлс, а также многие другие известные деятели еврейской культуры.

А сколько перлов-присловий рассыпано по рассказам Тевье:

«Разум и раскаяние – обе эти вещи приходят слишком поздно...»

«Чем больше горестей, тем больше надежды; чем беднее, тем сильнее упование».

«Барыш под рукой, да карман за рекой».

«Последнюю рубаху заложить, только бы богачом быть».

«Красивое лицо – половина приданого».

«Кабы утроба есть не просила, голова бы в золоте ходила».

«Богач не ест червонцев, бедняк не ест камней».

Читать и перечитывать «Тевье» – одно наслаждение. Что я часто и делаю.

Самостоятельное же моё знакомство с Шолом-Алейхемом началось с его замечательного рассказа для детей «Ножик». Кстати, этот рассказ был первым его художественным произведением, опубликованным на идиш. Любопытна история создания и публикации этого рассказа.

Шл 1886 год. Три года назад Шолом-Алейхем женился на дочери богача Элимелеха Лоева и после смерти тестя неожиданно стал обладателем довольно приличного

состояния. Он окунается в рискованные биржевые игры и вскоре теряет все деньги. Для еврейской литературы, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло... Вот как сам Шолом-Алейхем рисует картину создания своего произведения.

«То время было для меня временем торговли, денег, биржи, ценных бумаг и тому подобных вещей, не имеющих отношения к литературе... Возможно, я пошёл бы по другому пути... Приехав в большой город по своим коммерческим делам, усталый, я лёг спать, но не мог заснуть. Тогда я встал, сел к письменному столу и написал, нет, не написал, а выплеснул на бумагу вещь, воспоминания моего детства, и назвал это “Ножик“, послал в редакцию и забыл про это».

Рассказ был вскоре напечатан в еврейском журнале «Ди юдише фолксблат», и вслед появилась на него рецензия. Рецензент, широко известный учёный Семен Дубнов, похвалив рассказ, отметил, что юный автор обладает несомненным талантом, и предсказал, что сочинитель даст еще много хороших вещей для «бедной еврейской литературы...» Теперь мы знаем, что Дубнов оказался в этом деле пророком.

Что касается самого рассказа, то он произвёл на меня тогда огромное впечатление. В нём повествуется о том, как маленький еврейский мальчик, одержимый желанием иметь собственный ножик, решается украсть этот предмет. Но тут же начинает мучиться совестью, так как сознаёт, что, украв ножик, он нарушил одну из главных заповедей Торы – «Не укради». В конце концов, он решает избавиться от ножика и бросает его в колодец. Прошло почти 80 лет с тех пор, как я впервые прочёл этот изумительный рассказ, но до сих пор помню, как он меня тогда ошеломил.

С первого по восьмой класс я учился в еврейской школе, и где-то в классе пятом или шестом мы начали «проходить» классиков еврейской литературы, в том числе Шолом-Алейхему. У нас был замечательный учитель еврейской литературы, отдававший много сил и таланта, чтобы привить нам любовь к художественному слову на мамэ-лошн. Но учебные программы как обязательные спускались «сверху», и Шолом-Алейхем был представлен, прежде всего, произведением «Менахем-Мендл». Конечно, как и все его произведения, - это остроумная, весёлая, увлекательная вещь. Но не менее остроумен и увлекателен «Тевье-молочник». Почему же нас потчевали Менахем-Мендлом? Ответ простой. Советским правителям надо было показать, что до революции чуть ли не все евреи были людьми «воздуха» (именно таким и был Менахем-Мендл), и только советская власть сделала их настоящими людьми. А то, что евреи были трудягами, как Тевье, детям в то время рассказывать не полагалось...

Почувствовав вкус произведений Шолом-Алейхему, мы, ученики, стали вне программы читать запоем всё, что находили в библиотеке. Так я в детстве и в ранние юношеские годы прочёл «Мальчик Мотл» («Мотл – сын кантора Пейси»), «Блуждающие звёзды», «Песнь песней», романы «Степеню» и «Йоселе-соловей», огромное число шолом-алейхемских рассказов и монологов. Некоторые из монологов я знал наизусть и нередко читал их со сцены на различных вечерах. Один раз даже читал Шолом-Алейхему на идиш в соседней украинской школе. Принимали очень хорошо. И не только потому, что большинство учеников украинской школы в нашем местечке были детьми еврейских семей, но и потому, что в первой половине 30-х годов бытовой антисемитизм был приглушён.

Окончив в 1938 году 8 классов еврейской школы, я должен был продолжить учебу в украинской школе, так как в еврейской 9-го и 10-го классов не было. Тут я впервые начал знакомиться с украинскими и русскими писателями. Однако Шолом-Алейхем продолжал оставаться любимейшим и наиболее часто читаемым мною автором.

В 1938 году я стал студентом московского института, и вскоре мне пришлось (с громадным удовольствием!) вернуться к более активному «общению» с Шолом-Алейхемом.

В 1939 году в Москве был объявлен всесоюзный студенческий конкурс художественного чтения. Я решил участвовать в нём и выбрал монолог Шолом-Алейхема «Гимназия».

Почему выбор мой пал на это произведение? Во-первых, оно было, можно сказать, «идеологически» стопроцентно выдержанное: в нем повествовалось о пресловутой дореволюционной процентной норме при поступлении не только в высшие учебные заведения, но и в гимназии. Во-вторых, монолог чрезвычайно живой, одновременно грустный и смешной.

До сих пор (70 лет спустя!) я помню многие фрагменты из этого монолога. Особенно запомнился эпизод посещения отцом мальчика директора гимназии с намерением дать ему взятку за приём сына в это учебное заведение. Вот этот фрагмент.

– Что вам угодно? – спрашивает директор и просит присесть.

– Господин директор, – говорю я ему тихо, на ухо, – мы люди небогатые, но у нас есть маленькое состояние и один хороший, замечательный мальчик, который хочет учиться, и я хочу, а моя жена **очень** хочет!

– Что вам угодно? – спрашивает он снова.

Я подсел поближе и повторяю:

– Дорогой господин директор! Мы люди небогатые, но у нас есть маленькое состояние и один хороший, замечательный мальчик, который хочет учиться, и я хочу! Но моя жена **очень** хочет!..

При этом я нажимаю на «очень», чтобы он понял... Но голова у него тупая, и он никак в толк не возьмет, чего я хочу.

– Так что же вам угодно? – спрашивает он уже сердито.

Тогда я осторожно сунул руку в карман, осторожно достал и говорю потихоньку:

– Извините, господин директор, мы люди небогатые, но у нас есть маленькое состояние и один хороший, замечательный мальчик, который хочет учиться. И я хочу. Но моя жена **очень** хочет!

И ещё сильнее нажимаю на «очень» и сую ему...

Словом, клюнуло! Он понял, в чём дело, достал какую-то книжечку и стал расспрашивать, как зовут меня, как зовут сына и в который класс я намерен его определить.

«Вот так и говори!» – думаю я и выкладываю: зовут меня Кац, Арн Кац, а сына звать Мойше, то есть Мошко, а определить его хочу в третий класс.

Далее сюжет разворачивается в шолом-алеихемском стиле. Каца действительно приняли в гимназию, но не Мойше Каца, а Мордуха Каца. Ошибочка вышла... Оказалось, что в городе имеются два Каца, две кошки... (кошка по-еврейски – «*кац*»).

В том же 1939 году мне посчастливилось посмотреть спектакль по повести Шолом-Алейхема «Тевье-Молочник» в Московском государственном еврейском театре. Роль Тевье исполнял великий актёр Соломон Михоэлс. Впечатление от его игры было непередаваемое. Михоэлс гениально раскрыл трагический и народный образ Тевье в полном соответствии с тем, как его мыслил себе Шолом-Алейхем. Вот что писал Шолом-Алейхем в 1914 году режиссёру Я. Адлеру в связи с подготовкой им спектакля «Тевье - Молочник»:

В «Тевье» «вы найдете еврея, отца пятерых дочерей, – он простой человек, но цельный, чистый, страдающий, который, при всей своей трагичности, смешит слушателей до конца. Смешит не затем, чтобы осмеивать, а чтобы весёлым смехом вызвать симпатии и сочувствие к его великим страданиям и малым горестям».

Тевье была начертана нелёгкая судьба. Как уже упоминалось, отец пяти дочерей, он, как говорят, не имел от них большого *нахэс*. Старшая дочь – Цейтл – выходит замуж за бедного парня, портного Мотла, отвергая предлагаемый ей брак с пожилым богачом-мясником. Мотл же ещё молодым умирает от чахотки, оставляя вдову с кучей детей.

Вторая дочь – Годл – выходит замуж за революционера Перчика и отправляется вслед за ним на каторгу в Сибирь. Третья – Хава – выходит замуж за украинского парня Фёдку Галагана. Хотя Хава восторженно представляет отцу своего жениха как «второго Горького», Тевье это никак не утешает, и после ухода Хавы из дома он сидит шиву по дочери, как по покойнику. Четвертая дочь – Шпринце – кончает самоубийством, будучи брошенной молодым человеком, обещавшим на ней жениться. Пятая – Бейлке – уезжает со своим мужем, разорившимся богачом, в Америку.

В сердцах Тевье произносит свой знаменитый монолог:

«Растёт в лесу дуб. Приходит человек с топором, обрубает ветвь, ещё ветвь и ещё. А куда такое дерево без ветвей... Зачем дереву голому в лесу торчать?».

Наконец, самого Тевье, по указу правительства, выгоняют из деревни, веля идти, куда глаза глядят...

На вопрос внуков: за что такое наказание? Тевье отвечает: «За то, что мы евреи... Они хотят, чтобы мы перестали быть евреями. Но мы говорим: «Нет, мы были евреями и евреями останемся. Мы их переживём!...».

Несмотря на все беды, он не теряет мужества и гордо заявляет: «Пока душа в теле, поезжай дальше, Тевье!».

В том же, 1939, году, в апреле, в Москве торжественно отмечалось 80-летие со дня рождения Шолом-Алейхема. Мне посчастливилось быть на этом великолепном вечере. В нём участвовали не только еврейские деятели культуры, но и представители культур различных народов Советского Союза. Председателем оргкомитета вечера был руководитель Союза писателей СССР Александр Фадеев, произнесший прочувствованную речь, посвящённую юбиляру.

На этом вечере мне удалось познакомиться с младшим братом Шолом-Алейхема – Вевиком Рабиновичем. Шолом-Алейхем называл его «майн либлихер брудер», т.е. «мой милый, любезный брат». Вевик опубликовал очень интересные воспоминания о своём знаменитом брате. Впоследствии я узнал, что Вевик – замечательный перчаточник. И, несмотря на солидный возраст (75 лет), продолжает работать на фабрике, является стахановцем...

Вскоре началась война. За долгие четыре года мне в руки не попало ни единой еврейской книги, мне также не довелось за все эти годы слышать еврейскую речь. И лишь после окончания войны я вновь получил возможность «общаться» со своим любимым писателем.

Первым послевоенным шолом-алеихемским спектаклем, увиденным мною в ГОСЕТе, была инсценировка романа «Блуждающие звёзды». Я уже упоминал, что роман этот читал ещё в детстве, страшно переживал, как злая судьба разъединила два любящих сердца – дочь местечкового кантора Рейзл и сына богача того же местечка – Лейбла, как эти два совсем юных существа украдкой покинули свои дома и свой городок, чтобы попасть в разные театральные труппы, как они оба впоследствии стали знаменитыми актёрами, но всю жизнь блуждали, как звёзды: им так и не суждено было встретиться после разлуки в детстве. Спектакль был очень лиричен, мягок, его сопровождали чудесные еврейские мелодии, и я точно так же, как в юношеские годы, переживал судьбу милых моему сердцу Рейзл и Лейбла.

В 1946 году, я считаю, произошло чудо. Хотя государственный антисемитизм уже заметно набирал обороты, но в это время в знаменитом Колонном зале Дома Союзов в Москве было разрешено провести вечер, посвящённый 30-летию со дня смерти Шолом - Алейхема. До сих пор ума не приложу, кому и как удалось пробить у властей идею проведения подобного вечера...

Расскажу коротко, как мне удалось попасть на вечер. Дело в том, что пригласительные билеты распространялись по организациям и учреждениям. Я, лишь несколько месяцев назад вернувшийся из армии, разумеется, не знал никого, кто мог бы

дать мне билет. В тот вечер я решил подъехать к Дому Союзов и как-то постараться пройти в зал. У входа в Дом Союзов стояла огромная толпа «безбилетников», жаждущих попасть на вечер. Мне с большим трудом удалось пробраться в коридор, поближе к двери, где проверяли билеты. Попытался прошмыгнуть мимо билетёрши, но номер не удался... И тут я остановился, как вкопанный. Рядом со мной стоял выдающийся еврейский поэт Перец Маркиш. Я не поверил своим глазам! Он, видимо, кого-то ждал. Я рысью кинулся к нему и чуть ли не на коленях попросил его дать мне пригласительный билет. Волнуясь и весь дрожа, я сообщил Маркишу, что он мой любимый поэт (что было чистой правдой) и готов хоть тут же прочитать ему наизусть фрагменты из его поэмы «Нит гедайгет» – «Не горюй» (и это тоже было чистейшей правдой). Видимо, мои слова и весь мой вид произвели на поэта впечатление. Он сунул руку в боковой карман пиджака и достал вожделенный билет. Так я попал на вечер памяти Шолом-Алейхема в Колонном зале Дома Союзов в мае 1946 г.

Из выступавших на вечере мне наиболее ярко запомнились Соломон Михоэлс и Самуил Маршак. Михоэлс говорил по-русски, но один раз обратился к мамэ-лошн. Вспоминая, как его отец категорически возражал против того, чтобы сын его стал актёром, Михоэлс с изумительным юмором воспроизвёл слова отца, характеризующие, по его мнению, еврейского актёра: «а зингер, а тенцер, а горништ...» (певун, танцор, ничтожество). Самуил Маршак прочитал стихотворение «Доброе имя», посвящённое памяти Шолом-Алейхема. Несколько строф из этого чудесного стихотворения:

Потомков ты приветствуешь весёлым,
Простонародным именем, поэт.
«Шолом-алеихем» и «Алеихем-шолом» –
Таков привет старинный и ответ.

«Шолом-алеихем» – мира и здоровья!
Нет имени щедрее и добрей...
Ещё вчера земля дымилась кровью
Растерзанных детей и матерей,

Но в день, когда друзья собрались вместе,
Во имя жизни, смерти вопреки
Победные и радостные вести
Мы принесли к могиле, как венки...

В марте 1949 года исполнялось 90 лет со дня рождения Шолом-Алейхема. Казалось бы, дата, вполне заслуживающая быть публично отмеченной. Однако, по хорошо известным причинам, такой вечер не состоялся. После убийства Михоэлса в январе 1948 года в стране полным ходом пошёл разгром еврейской культуры, и некому было даже заикнуться об организации торжества по поводу 90-летия Шолом-Алейхема.

В течение последующих десяти лет еврейский язык и вся культура на идиш были в стране под тотальным запретом. Не допускалось ни одного еврейского печатного слова, с эстрады не слышно было еврейской речи или песни, все еврейские театры были закрыты. Казалось, культура на языке идиш в стране «свободы и равенства всех народов» навечно ушла в небытие. Но случилось еще одно чудо...

В 1959 году, в «разгар» хрущевской «оттепели», идиш начал потихоньку возрождаться. Первой ласточкой, свидетельствовавшей, что такой процесс действительно начался, было издание на идиш книги избранных произведений Шолом-Алейхема. Издание было приурочено к исполняющемуся в марте 1959 года столетию со дня рождения писателя. Книга готовилась в ускоренном, можно сказать, пожарном порядке с

тем, чтобы поспеть к юбилейной дате. Темпы были действительно ошеломляющие: рукопись была сдана в набор 14 февраля 1959 года и подписана к печати ровно через неделю – 21 февраля! В конце того же 1959 года были напечатаны еще две книги на идиш: произведения двух других классиков еврейской литературы – Менделе Мойхер-Сфорима и Ицхок-Лейбуша Переца.

А в апреле в Колонном зале Дома Союзов в Москве состоялся, можно сказать без преувеличения, грандиозный вечер, посвященный столетнему юбилею писателя. Вёл вечер Всеволод Иванов. Помню, с какой теплотой говорил он о нашем любимом писателе.

Исключительно яркими были выступления двух выдающихся певцов: чернокожего американца Поля Робсона и артиста Московского Большого театра Ивана Семёновича Козловского.

Поль Робсон рассказал о своей огромной любви к Шолом-Алейхему, не без удовольствия сообщил, как он счастлив, что его сын женился на еврейской девушке, а в заключение спел две песни на идиш. Одна из них до сих пор звучит у меня в ушах. Это известная шуточная песня о том, как царь ест, пьет чай, спит...

Иван Козловский был немногословен. Он заявил, что споёт три любимые Шолом-Алейхемом украинские песни. Одной из них была чудесная песня «Сонце нызенько, вечер близенько». Я много раз слушал пение Козловского, но мне кажется, никогда он не вкладывал в свое пение столько души, как в этот замечательный вечер.

Через пару лет мне посчастливилось лично познакомиться с Козловским. Первым моим вопросом был: откуда он знает, что именно эти песни любил Шолом-Алейхем?

– Откуда? Я до войны не раз бывал в Переславле, там еще жило немало людей, знавших Шолом-Алейхема и слушавших вместе с ним украинские песни.

* * *

С 1991 года я живу в Америке. Здесь мое «общение» с Шолом-Алейхемом стало ещё более частым и многообразным. В Штатах мне удалось прочитать ряд произведений писателя, которые никогда не публиковались в Советском Союзе. Одно из них – роман «Потоп». В нём повествуется о революционных событиях 1905 года. Интересна судьба этого романа. Впервые он был напечатан в Польше (бывшая Российская империя) в 1912 году. Но нашёлся цензор, который, прочитав уже изданную книгу, не поленился подробно выписать все места, в которых автор в неприглядном свете описывает преследования и гонения, испытываемые евреями со стороны определённой части российского населения (еврейские погромы), а также со стороны полиции, административных органов и военных. Все это, утверждал цензор, является «чистой выдумкой» и должно быть наказано в соответствии с уголовным кодексом. Почти полтора года в апартаментах цензуры обсуждался вопрос: что делать с романом. Наконец, в ноябре 1913 года Министерство внутренних дел вынесло приговор: «Произведение С. Рабиновича под названием «Потоп» со всеми матрицами, подготовленными к печати, – уничтожить». Но было уже поздно, роман уже шагал по свету... А вот в Советском Союзе его публикация осталась под запретом. Причина? Автор считал события 1905 года не народной революцией, а чем-то совсем другим. «Да, это был пожар, – читаем мы в романе, – большой, большой огонь, ливень, буря, потоп, громадный потоп, потоп, смешанный с кровью и слезами...». Мог ли советский цензор допустить к печати произведение с подобными оценками революции 1905 года?

Благодаря тому, что здесь, в Америке, появилось у меня больше свободного времени, я перечитал много вещей, с которыми знакомился в далёкие детские и юношеские годы. И, конечно, по-новому воспринял их прелесть, обаяние... С огромным наслаждением прочёл и вновь перечитываю автобиографический роман «С ярмарки». Шолом-Алейхем задумал роман как многотомный труд, но успел написать лишь два тома. Вслед за самим

автором отношу этот роман к его лучшим творениям. Вот что Шолом-Алейхем писал в посвящении своим детям:

«Милые, дорогие дети мои!

Вам посвящаю я творение моих творений, книгу книг, песнь песней души моей... Я вложил в неё самое ценное, что у меня есть – сердце своё. Читайте время от времени эту книгу. Быть может, она вас или детей ваших чему-нибудь научит – научит, как любить наш народ и ценить сокровища его духа, которые рассеяны по всем глухим закоулкам мира» (Собр. соч., т. 6, с. 7, Москва, 1973 [1]).

Здесь, в Бостоне, сбылась моя давнишняя мечта: сыграть в спектакле по пьесе Шолом-Алейхема.

Как все талантливые авторы, Шолом-Алейхем был не только блестящим прозаиком, но и великолепным драматургом. Его перу принадлежат такие замечательные пьесы, как «Крупный выигрыш», «Люди», «Поздравляем», «Доктора!», «Мистер Бойм в клозете» и др. Многие шолом-алеихемские романы и повести были удачно инсценированы и десятилетиями украшали и продолжают украшать сцены еврейских, и не только еврейских, театров.

В Бостоне жил-был энтузиаст самодеятельного еврейского театрального искусства. Звали его Александр Грин. Он создал в нашем городе любительский театральный коллектив и поставил несколько пьес. Одной из них был «Крупный выигрыш» Шолом-Алейхема. Мне посчастливилось участвовать в этом спектакле, который, несмотря на многие шероховатости, имел успех у бостонской публики. Я играл одного из двух жуликов, которые обманым путём похищают у внезапно разбогатевшего портного Шимеле Сорокера (он по лотерейному билету выиграл 200.000 рублей) три четверти его выигрыша. Как этим жуликам удалось повернуть такую афёру? Дело в том, что Шимеле Сорокер был, *небэж*, неграмотным человеком и с трудом мог начертать свою подпись. Жулики предлагают Шимеле вложить 15.000 рублей в новое дело – синемаграф, которое, по их заверению, сулит огромные барыши. Шимеле подпадает под чары жуликов и соглашается авансировать такую сумму. Он, не спеша, с большими усилиями ставит свою подпись под чеком и предлагает своим «компаньонам» проставить в нём сумму. А они вместо 15.000 вписывают сумму – 150.000... Спектакль мы сыграли более десяти лет назад, но я до сих пор с огромным удовольствием вспоминаю каждую его сцену, каждую реплику.

Мне удалось в Бостоне сыграть ещё в двух вещах Шолом-Алейхема: в одноактной пьесе «Мистер Бойм в клозете», на идиш, и в одном из фрагментов инсценировки Григория Горина «Заупокойная молитва» (по роману «Тевье-Молочник»), на русском языке. Сценку из «Заупокойной молитвы» поставила ветеран бостонской самодеятельности, замечательный режиссёр Белла Белова.

* * *

Шолом-Алейхем был и остаётся для меня авторитетом при поиске ответов на непростые вопросы, касающиеся различных сторон жизни еврейского народа. Приведу лишь два примера влияния Шолом-Алейхема на формирование моей позиции по спорным проблемам.

Шолом-Алейхем был одним из немногих еврейских интеллектуалов, которые отвергали односторонний, экстремистский, подход к двум еврейским языкам – ивриту и идиш. Будучи идишистским писателем и всей душой привязанный к родному «мамэ-лошн», Шолом-Алейхем в то же время очень любил и высоко ценил иврит; более 30 своих произведений он написал и опубликовал на этом языке. Шолом-Алейхем был убежден, что «существует какая-то скрытая связь между евреями и их историческим языком, так же, как существует связь между ним (языком) и его исторической родиной» («*Ди цукунфт*», № 104, 1999, с. 5 [2]). Я полностью разделяю взгляды Шолом-Алейхема по этому вопросу.

Огромное влияние оказал Шолом-Алейхем на формирование моей позиции и по такой проблеме: что именно в современных условиях объединяет евреев различных стран и континентов. Напомню: я затронул этот вопрос в своем докладе «Как родился наш народ» в Клубе учёных около пяти лет назад. Я говорил тогда, что разделяю мнение, согласно которому, с исконно еврейской точки зрения, еврейский народ является **семьей**. Развивая эту мысль, я говорил, что человек, совершающий сознательно и добровольно процедуру перехода в другую веру, расторгает «семейные узы», перестаёт быть членом «еврейской семьи», т.е. не может более считаться евреем. В правильности такого заключения меня убедил Шолом-Алейхем. Приведу запись в его завещании, составленном за год и восемь месяцев до кончины. Один из его пунктов гласит:

«Религиозные убеждения детей моих и внуков могут быть какие им угодно (т.е. они могут быть верующими или атеистами. – *И.Л.*), но своё еврейское происхождение я прошу их сохранить. **Те из моих детей и внуков, которые отрекутся от еврейства и перейдут в другую веру, тем самым откажутся от своего происхождения и от своей семьи и сами вычеркнут себя из моего завещания.** «И нет доли и участия в среде их братьев» (Шолом-Алейхем. Собр. соч., т. 6, с.720 [3]).

* * *

В начале статьи я отмечал, что не буду заниматься литературоведческими рассуждениями относительно творчества Шолом-Алейхема. Но мне всё же хочется выделить главную суть его замечательного литературного творчества.

Лучше всех исследователей и литературоведов Шолом-Алейхем сам об этом сказал: «Что касается большинства моих произведений, то, не имея в виду никаких особых тенденций, я лишь стремился и старался передать в них действительную жизнь своего народа в той удушливой атмосфере, которую создала так называемая «черта оседлости», жизнь, которая мне дорога со всеми её светлыми и тёмными сторонами, весёлыми и грустными явлениями. Если вас удивляет постоянный весёлый тон моей писанины, то должен вам сказать, что этот тон передаётся мне самой жизнью моего дивного народа с его удивительным комическим диалектом, который не поддается никакому переводу...».

Шолом-Алейхем умер в Нью-Йорке 13 мая 1916 года и похоронен на кладбище, расположенном на стыке Бруклина и Квинса. Писатель просил высечь на своем могильном камне эпитафию, которую он написал (на идиш, конечно) за одиннадцать лет до кончины. Привожу её в переводе Д.Г. Бродского:

Здесь рядовой лежит еврей,
Писал на языке народном,
И среди совсем простых людей
Прослыл он юмористом бодрим.

Всю жизнь смеялся и острил
И с целым миром вечно бился,
Но только мир неплохо жил,
А он, увы, всегда томился.

И в те часы, когда кругом
Читатель смехом заливался,
Известно Богу лишь о том,
Как он, таясь, в душе терзался.

Пройдет еще 150 лет, и еще 150 лет, а творения великого еврейского писателя будут по-прежнему с интересом и удовольствием читаться во всех уголках Земли.

Источники

1. Собр. соч., т. 6, с. 7. – М.: 1973.
2. «Ди цукунфт», № 104, 1999, с. 5.
3. Собр. соч., т. 6, с.720. – М.: 1973.